

Малколм Мак-Дауэлл:

САМОЕ ЛУЧШЕЕ, ЧТО Я СДЕЛАЛ В ЖИЗНИ, — ПЕРЕСТАЛ ПИТЬ

Колл. правза. — 1991. — 5 мая

Малколм Мак-Дауэлл — один из самых ярких актеров мирового кинематографа.

Первый его визит в нашу страну был связан со съемками в советско-английской картине «Цареубийца».

Беседа с Мак-Дауэллом проходила во время съемок фильма, на уютной даче, принадлежавшей когда-то Молотову.

— Что повлияло на ваше решение сниматься в «Цареубийце»?

— Есть три причины, по которым я соглашаюсь сниматься в том или ином фильме: деньги, чтобы рассчитаться с накопившимися счетами; когда нравятся сценарий и если предстоит поездка в интересную страну. Когда хотя бы два из этих условий присутствуют — я снимаюсь. В данном случае деньги меня интересовали менее всего.

— Что помогло вам в работе над ролями в «Цареубийце» почувствовать особенности «русской души»?..

— И люди, и литература. И, конечно, интуиция. Когда меня спрашивают: «Как ты это делаешь?» — я отвечаю: «Не знаю». И не хочу знать, как! Это божественный промысел!

— Вы верующий человек?

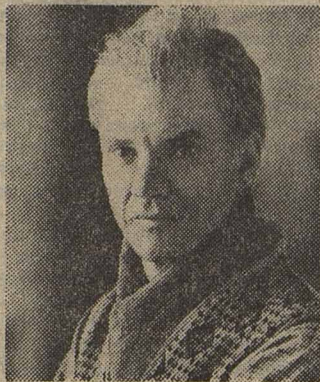
— Я верю в Бога. Как в высшее нравственное начало. Я абсолютно не верю в государство. Мне, в сущности, безразлично государство как система власти и подавления личности. Политикой тоже никогда не интересовался.

— Вас интересует индивидуальность во всех проявлениях? Вам часто приходилось играть людей с раздвоенным сознанием, разрушителей. Вас даже самого нередко отождествляют с вашими персонажами...

— Говоря о свободе самовыражения, я не имею в виду абсолютную свободу человека от нравственных табу, как, например, «не убий». Я говорю о свободе индивидуальной личности писать, говорить, выражать себя — в том числе и с помощью искусства. Не приношу при этом ущерба остальным людям. Я против любого насилия. Отождествлять меня с моими персонажами — абсурд. Теперь я играю Юровского — не отождествлять же меня с ним! Юровский — профессиональный революционер, на мой взгляд, достаточно прямолинейный персонаж. Он служитель идеи. Для него это даже не убийство. А обычная работа.

— Вы играете в фильме две роли. Насколько можно судить по сценарию, психологическая разработка образа пациента психбольницы Тимофеева значительно интереснее, сложнее, неоднозначнее.

— Удивительно, что, пройдя такой тяжелый путь познания и потерь, русский народ не лишился чувства юмора. Меня буквально потрясло это ваше фантастическое умение смотреть на вещи сквозь смех. И еще — в России я впервые испытал,

как время вдруг останавливается. Страна долго находилась в какой-то капсуле, оболочке. Благодаря этому вы сохранили ценности, которые мы на Западе давно потеряли. Но когда вы станете преуспевающей в техническом отношении страной, вы, к сожалению, потеряете это уникальное качество.

Я чувствую почти осязаемо, как та энергия, что аккумуляровалась за долгие столетия в России, выходит из земли. Здесь, под Ногинском (где проходят съемки. — Прим. ред.), среди огромного количества храмов и монастырей, это ощущается с особой силой. Хочется верить, что все эти великолепные свидетели истории, величия духа нации будут сохранены и восстановлены в первоначальном блеске и красоте. Разграбленные и разрушенные, они напоминают израненную душу вашего народа.

— Вы не сожалеете, что не работаете в театре?

— Я скажу, но в Калифорнии нет хороших театров, и вообще в Америке нет постоянных трупп. А куда-то ехать играть — не хочется оставлять детей надолго...

— Вы не пробовали себя в режиссуре?

— В Лос-Анджелесе я поставил пьесу польского драматурга Яноша Ковальского «Охота на тараканов». Действие происходит в 80-е годы, в эпоху политического кризиса в Польше и диктатуры генерала Ярузельского. Некий польский писатель оказывается в это время в Лондоне. Ему не разрешают вернуться. В конце концов, он с женой оказывается в Нью-Йорке, в странной грязной квартире, которую ему удалось обставить мебелью со свалки. Уровень их жизни в Америке значительно ниже, чем был в Польше. Но здесь они чувствуют себя интеллектуальными великанами. Пьеса удивительная. Очень ироничная, смешная. Но когда я показал ее в Лос-Анджелесе, респектабельная американская публика была возмущена и шокирована. Они не могли взять в толк, что там происходит. В Южной Калифорнии вообще не имеют представления, что такое ирония. Божественная страна богатых людей! Они приезжают в театр на своих «Кадиллаках», пьют martini — и ничего не понимают в пьесе о жизни двух поляков-

эмигрантов. Я же испытал огромное наслаждение, получив в награду плевки и ругательства. Я обожаю эту пьесу.

— У нас нет «индустрии звезд». Но с дисциплиной на съемочной площадке тоже не все в порядке...

— Да, я немного был удивлен, что актер вызывается на съемку к определенному часу, и потом его заставляют ждать часа три. На Западе процесс кинопроизводства во много раз дороже, и подобное — немислимая роскошь. Вся подготовительная работа делается дома. Никакого времени на репетицию не дается. Я должен знать массу всевозможных вещей, которые помогали бы мне в работе над ролью. Десять процентов я оставляю на импровизацию.

— Многие зрители относятся к вам как к мистической личности. Что вы об этом думаете? Вы суеверны?

— В какой-то мере. Но стараюсь, чтобы это не оказывало на меня значительного влияния. В принципе я стараюсь следить за своими эмоциями, не позволять отрицательным чувствам овладевать мной. В молодости у меня были частые срывы, перепады от эйфории до полной депрессии. Иногда мне кажется: самое лучшее, что я смог сделать в жизни, — перестать пить (последний раз я употреблял алкоголь восемь лет назад). Это во многом повлияло на мою дальнейшую жизнь — высвободилась

дополнительная энергия души.

— Мне сейчас вспомнилась беседа двух известных актрис — Майи Комаровской и Инны Чуриковой. Они рассуждали о любви и пришли к выводу, что, не испытав этого чувства в жизни, актер не сможет его убедительно сыграть.

— Я не согласен: передача чувства любви, как, впрочем, и других эмоций на экране или сцене, это своего рода иллюзия, обман. Безусловно, я стремлюсь к искренности на экране, но это правда моего персонажа, а не моя. Обязательно существует степень условности и дистанция. Хотя, несомненно, очень мило, если партнерша тебе импонирует. Но все это вопрос владения профессией.

— А вне съемочной площадки любовь представляется вам иллюзией или все-таки реальным чувством?

— У меня есть личный опыт настоящей любви, и я очень серьезно к нему отношусь.

— В молодости вы активно участвовали в молодежном левом движении...

— Мне более по душе экологическое движение. Я поддерживаю все формы экологического движения, но мне надо быть осторожным в Америке — ибо я гость страны. А как говорят у вас: в чужой монастырь со своим уставом не ходят...

Беседу вела
Е. КАРАКОЛЕВА.